

Список використаних джерел

1. Брага І. І. Лінгвосоціокультурний простір м. Суми / І.І. Брага // Соціолінгвістичні студії; за заг. редакцією Л.О. Ставицької. – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2010. – С. 123-128.
2. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх; пер. с англ. – К.: Вища школа, 1979. – 262 с.
3. Васютинський В. Українська ідентичність російськомовних: між відчуженням і дорученням / Вадим Васютинський // Мовні конфлікти і гармонізація суспільства. – К.: ВПЦ “Київський університет”, 2002. – С.74-80.
4. Залізник Г. Мовна ситуація Києва: день сьогоднішній та прийдеший / Г. Залізник, Л. Масенко. – К.: Вид. дім “Києво-Могилянська академія”, 2001. – 94 с.
5. Кудрейко І. О. Соціомовний стереотип: теоретичний аспект / І.О. Кудрейко // Мова і суспільство. Збірник наукових праць. – 2011. – Вип. 2. – 174 с. – С. 17-22.
6. Масенко Л.Т. Мова і суспільство: Постколоніальний вимір / Л.Т. Масенко. – К.: Вид. дім “КМА”, 2004. – 163 с.
7. Матіяш Б. Напівмовність і внутрішній конфлікт особистості // Мовні конфлікти і гармонізація суспільства / Богдана Матіяш – К.: ВПЦ “Київський університет”, 2002. – С. 121-125.
8. Мовне обличчя міста: Черкаси – 2007: Матеріали наук.-практ. конф. / відп. ред. Л.І. Мацько. – Черкаси: Брама-Україна, 2008. – 176 с.
9. Сологуб Н. М. Стереотип / Н.М. Сологуб // Українська мова: енциклопедія. – К.: Укр. енцикл. ім. М. П. Бажана, 2004. – Вид. 2-ге. – С. 648.
10. Тощенко Ж. Т. Парадоксальный человек: монографія / Ж.Т.Тощенко. – М., 2008. – 543 с.
11. Шумарова Н. П. Мовна поведінка киян: соціолінгвістичний аспект / Н.П. Шумарова // Мовознавство. – 1992. – №4. – С. 11-17.

Summary. The article focuses on the stereotypes in communication under Ukrainian-Russian bilingualism. Under view in the study are language steadiness and language tolerance of speakers, evaluative orientation as for languages in society as well as some variety of stereotypes. The author argues that the choice of language by a bilingual speaker is based on the complex of social and psychological factors.

Key words: bilingualism, social and language stereotypes, language stability, language tolerance.

УДК 821.161.1.0

Л.Б. Савенкова

СКВОЗНАЯ ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ДЕТАЛЬ В ТВОРЧЕСТВЕ М. А. ШОЛОХОВА

В статье речь идет о роли этнокультурной детали в творчестве М. А. Шолохова. Обращение к детали такого типа представляется результатом восприятия автором себя как члена казачьего субэтноса.

Ключевые слова: Шолохов, сквозная деталь, этнокультурная деталь.

М. А. Шолохов относится к числу авторов, чье значение в истории русской и мировой литературы неоспоримо. Библиография научных работ, посвященных его творчеству, огромна, и тем не менее интерес к нему не угасает, поскольку “значение ... всего творчества М. А. Шолохова столь велико, что определяет стратегические параметры всей отечественной литературы XX столетия” [8, 2]. Это побуждает исследовать языковую личность писателя, выявляя характерные для него приемы работы со словом.

Одним из частотных приемов создания образа в творчестве М. А. Шолохова (не только художественном, но и публицистическом) является детализация. Весомость этого приема в создании шолоховских произведений отмечают многие филологи (см. библиографию к данной статье). Однако почти все они обращаются к его рассмотрению не целенаправленно, а лишь при решении иных исследовательских задач. Только в диссертации литературоведа П. В. Трофимовой [14] основным предметом анализа служит художественная деталь в романе М. А. Шолохова “Тихий Дон”. Между тем деталь может быть сквозной, выступающей как своеобразный “маячок”, который проходит через все творчество писателя. Обращение к сквозной детали может быть

способом выражения индивидуального авторского мировидения или служить знаком отражения этнокультурной специфики сознания писателя.

Анализируя текст “Тихого Дона”, П. В. Трофимова отмечает, что детализация у М. А. Шолохова реализуется параллельно в двух сферах: предметно-образной и сенсорно-чувственной. С ее точки зрения, “первый критерий дает основание классифицировать портретную, пейзажную, бытовую, психологическую, речевую разновидность детали, а второй – выделять визуальную, звуковую, одоративную, осязательную, вкусовую деталь”. При этом “художественная деталь в поэтике шолоховского романа выполняет различные функции: выступает в роли концептуально значимого микрообраза, реализующего многообразие художественных смыслов произведения, служит способом авторской оценки происходящего, конструктивным компонентом художественного целого” [14]. Представляется важным выяснить, какую роль в творчестве писателя может играть обращение к сквозной этнокультурной детали и за счет каких лингвистических средств она реализуется.

В рамках статьи кажется целесообразным продемонстрировать решение поставленной задачи при помощи анализа одной конкретной детали. Такой деталью в шолоховском творчестве является, например, борода [4; 13].

В восьмитомном собрании сочинений М. А. Шолохова [16]¹ обнаружено около 300 фрагментов, включающих слова с корнем *бород-*.

С одной стороны, борода в разных шолоховских текстах упоминается как элемент индивидуального внешнего облика казака. Так, изображая в “Тихом Доне” Пантелея Прокофьевича, автор обязательно обращает внимание на его черную кудрявую бороду, ср.: “до старости не слиняли на нем *вороной масти борода* и волосы” (ТД. Ч. 1. Гл. I); “ворошил *кудрявую смолу бороды*, подергивал в волнении серьгу” (ТД. Ч. 1. Гл. XV); “Казалось, что не *борода* стекает у него с лица на грудь, а *черная растаявшая колесная мазь*” (ТД. Ч. 3. Гл. III); “Через час сваты сидели так тесно, что *смолянистые кольца мелеховской бороды* щупали прямые рыжие пряди коршуновской” (ТД. Ч. 1. Гл. XVIII); “Пантелей Прокофьевич, блистая *чернью выложенной сединным серебром бороды*, держал икону” (ТД. Ч. 1. Гл. XXII); “... Пантелей Прокофьевич... захромал к людской, обдирая сосульки с *бороды, лежавшей на воротнике тулупа черным бруском*” (ТД. Ч. 2. Гл. XXI). Заметим, что ассоциации, сопровождающие образ бороды, отсылают к казачьему быту (*смола бороды, борода как черная растаявшая колесная мазь, вороной масти* – так обычно говорят о коне – борода, борода лежит *черным бруском*). Таким образом, сам автор смотрит на своего персонажа глазами казака.

У каждого казака борода особой формы и своего цвета: у отца Митьки “*рыжая щетинистая борода*” (Бахчевник); “Яков Алексеевич – стариннойковки человек: ... *борода как новый просяной венник*, – до обидного похож на того кулака, которого досужие художники рисуют на последних страницах газет” (Червоточина); “вахмистр в *рыжей оправе бороды*” (ТД. Ч. 3. Гл. IV); у задиристого безрукого Алешки Шамиля “*редкая, курчавым клинышком, бороденка задорно топорицилась вбок*” (ТД. Ч. 1. Гл. II); в другом месте писатель называет ее “*кустастой бороденкой*” (ТД. Ч. 1. Гл. XI); у Мирона Григорьевича “*гнедая борода*” (ТД. Ч. 2. Гл. VII) с “*рыжей подпалиной*” (ТД. Ч. 2. Гл. XIII); “Сваты сплели *бороды разномастным плетнем*” (ТД. Ч. 1. Гл. XVIII); у хуторского богатея Сергея Платоновича Мохова “*надвое разваленная*” “*крутая гнедовая борода*” (ТД. Ч. 1. Гл. X); “Меркулов – цыгановатый с *чернокудрявой бородой*” (ТД. Ч. 4. Гл. VIII); Давыдову у правления встречается казак, “черный, как грач, *по самые ноздри заросший курчавой бородой*” (ПЦ. Кн. первая, 2); Фрол Рваный – “маленький, тщедушный старичишка с *клиноватой бороденкой*” (ПЦ. Кн. первая, 7); у Куженкова “*короткий оклад седоватой бороды*” (ПЦ. Кн. первая, 36); и т.д.

Объединяет эти индивидуальные портреты один штрих: казачья борода естественная, такая, какой наградила человека природа, в отличие от бород тех, кто казаками не является. Автор в этих случаях отмечает, что бороды касались ножницы. Так, в облике генерала, с которым случайно пересеклись пути казачьей сотни на Украине, сразу бросается в глаза особая, непривычной формы *бородка*: “На сиденье, откинувшись, полулежал толстый седой генерал, с *бородкой-испаньолкой* и вислыми сумками щек” (ТД. Ч. 3. Гл. V); Федот Бодовсков, увидев Штокмана, тут же примечает, что перед ним человек “чужой, не станичный”, и одним из “опознавательных знаков” служит борода: “Федот взвожжал занудившегося коня, неприязненно оглядел черную шляпу и на крупном белом лице морщины, втыкавшиеся в *короткую черную бороду*” (ТД. Ч. 2. Гл. IV). В описании Прокофия, вернувшегося с каторги, подчеркивается, что он стал непохож на казака, и признаком изменившегося облика снова выступает борода, которая обращает на себя внимание даже раньше одежды: “*Подстриженная рыжая с проседью борода* и обычная русская одежда делала его чужим, непохожим на казака” (ТД. Ч. 1. Гл. I).

Естественная борода для Шолохова выступает особой приметой казака, и, по всей вероятности, привычка смотреть на мир глазами казака выходит у писателя за рамки

художественного творчества. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что в одном из публичных выступлений, вспоминая эпизод прошедшей войны с участием пленного итальянского офицера, писатель машинально обращает внимание на его *подстриженную бородку*, причем никакой роли в эпизоде эта деталь не играет: “Захватили пленного командира батареи. В прошлом архитектор, римлянин. У него *аккуратно подстриженная лопаточкой бородка*” (Из речи на встрече с избирателями города Таганрога).

Вид бороды для казака не менее важен, чем аккуратность в одежде. Борода оказывается традиционным знаком достоинства, солидности. Интересно, однако, что шолоховские персонажи не только не стригут бороды, но почти никогда не расчесывают их. Борода должна оставаться в естественном виде, и приводят ее в порядок не гребнем, а рукой, ср.: “... *привычным движением оглаживая свалывшуюся бороденку*, старик посматривал вокруг” (ПЦ. Кн. вторая. 18). Поэтому старые казаки в шолоховских текстах подчеркивают свою внушительность, одновременно придавая себе уверенности или скрывая охватившее их волнение, особым жестом – поглаживанием или разглаживанием бороды: “... *дед степенно разгладил бороду* да как топнет ногой: – Ложись, постреленыш, и спущай портки!..” (Нахаленок); “Пришли к председателю. Передний, посасывая трубку, спросил у деда: – Зарывал хлеб, дедушка? Признавайся!.. *Дед разгладил бородку и с гордостью сказал*: – Ведь у меня сын-то коммунист!” (Нахаленок); “Выручал Наталью дед Гришака: входил он в горенку, ... *разглаживая желтую коноплю свалывшейся бороды*; тыча в Митьку костылем, спрашивал: – Ты чего, поганец, заявился сюда, ась?” (ТД. Ч.1. Гл. XIX); “– За какой нуждой едешь-то? Щукарь, *важничая, разгладил бороденку* и словно бы нехотя ответил: – Сурьезная командировка предстоит” (ПЦ. Кн. вторая. 18); “Он уселся поудобнее, ... *разгладил ладонью бороденку* и ... раскрыл рот, чтобы начать неспешное повествование ...” (ПЦ. Кн. вторая. 19); “–А ты-то вступил в колхоз, Прокофьевич? – поинтересовался я. Прокофьевич *степенно разгладил каштановую с рыжеватым подсадом бороду* и плутовски сощурил голубые беспокойные глазки. –Я не спешу...” (Слово о Родине); “Старик вздохнул, *погладил бороду* и, глядя куда-то мимо Лопахина, сказал: – Больно скоро вы, лихие вояки, добежали до нашего хутора...” (ОСР); “– Помогите вам бог, – истово сказал старик и хотел было перекреститься, но, искоса взглянув на Лопахина, на украшенную медалью грудь его, не донес руку до лба и стал *степенно гладить седую окладистую бороду*” (ОСР); “И старик, *разглаживая бороду, с гордостью ответил*: – Я тут конюхом работаю вот уже третий год” (ОСР). Только в трех контекстах (дважды в “Тихом Доне” и один раз – в “Поднятой целине”) автор упоминает расчесывание бороды, да и то каждый раз оно выглядит как неуместное или непривычное действие. В эпизоде, когда представители Военно-революционного комитета едут в поезде в Новочеркасск, Шолохов отмечает общее тревожное состояние делегации, и у каждого из едущих оно выражается по-своему: “Против него, облокотясь на столик, смотрел в окно узкоплечий, сухой, как подросток, Кривошлыков. В детски ясных глазах его дневали тревога и ожидание. Лагутин *расческой гладил небогатую русую бороденку*. Здоровый казачина Минаев грел над трубой парового отопления руки, ерзал по лавке” (ТД. Ч. 5. Гл. X). Расчесыванием бороды отец Григория старается прикрыть беспокойство за сына: “–Гутарют, будто ты уж с сотенных снятый? – спросил Пантелей Прокофьевич, *принаряжая костяной расческой свалывшуюся бороду*” (ТД. Ч. 6. Гл. IX). Ощущая важность предстоящего партсобрании по приему новых членов, “хуторский пастух дед Агей бросил стадо на попечение подпaska, пришел в школу приодетый, с *тщательно расчесанной бородой* и в старинных, сильно поношенных сапогах с дутыми голенищами” (ПЦ. Кн. вторая. 22). Вид его настолько непривычен, что “многие пожилые казаки не узнавали его с первого взгляда и здоровались, как с незнакомым пришельцем” (там же).

Не случайно повествователь обращает внимание на неопрятную бороду обезумевшего от горя Пантелея Прокофьевича, получившего страшную весть о смерти сына: “Пантелей Прокофьевич ел быстро и жадно, *на бороде его звеньями лежала лапша*” (ТД. Ч.3. Гл. XVII). Не случайно и в эпизодах, где казака хотят унижить, его хватают за бороду, ср.: “– Ты мне за сына ответишь! В ваших богов, в креста!.. – Андрей *левой рукой схватил седую бороду старика*, пинком отворил дверь и с громом поволок Девяткина по крыльцу” (ПЦ. Кн. первая, 5); “– Проучите его, бабоньки, чтобы брехал, да меру знал!.. ... дело приняло совсем неожиданный для Ефима оборот: с хохотом и визгом женщины стащили его с парты, чья-то *смуглая рука зажала в кулаке каштановую бороду* Ефима” (ПЦ. Кн. вторая. 23); “Фомич, как при старом режиме, платок с нее сбил и – за прическу. Ефросинья, не будь дура, *за бороденку его ухватилась*. Баба она молодая, при силе, сколько захватила в горсти волосьев – все у нее в руках и осталось. Насилу растянули их, ей-богу. После этого глянул я на Фомича, а у него *полбороды как корова языком слизнула*” (Слово о Родине).

Борода у шолоховских персонажей – свидетельство о возрасте. Так, у деда Гришаки Коршунова, который “топтал землю шестьдесят девять лет”, “седая борода отливала сизью” (ТД. Ч.1. Гл. XIX), “рот, залохматевший прозеленью бороды” (ТД. Ч. 1. Гл. XXIII). Такую же

“седую прозелень круглой бороды” (ТД. Ч. 2. Гл. XVII) читатель видит и у старого конюха Листницкого Сашки. Борода как знак возраста упоминается и в художественных, и в публицистических текстах автора: “В сотню пополнение пришло, почти что одни старики. Бороды пониже пупка, и все прочее” (Один язык); “Придут старые комсомольцы, – теперь уже бородатые и обзаведшиеся детьми” (Все сердцем с вами); “Возница мой – бородатый, пожилой, но все еще, несмотря на годы, по-молодому статный казак” (Слово о Родине).

Значимость бороды как признака возраста в казачьем восприятии подчеркивается тем, что даже о старости петуха один из персонажей-казаков судит по его бороде, а не по иным признакам: “Все одно он старый, у него на бороде все перо седое. Или ты не заметил? – запальчиво возразил дед Щукарь” (ПЦ. Кн. вторая. 4).

Старость в сознании казака синоним опытности. Как пишет О. А. Давыдова, “казачья пословица гласит: *господа старики – первейшие казаки. Действительно, казаки, прошедшие все испытания военной службы, дожившие до преклонных лет, занимали в жизни станичного общества совершенно особое место, были наиболее уважаемой частью казачьего мира*” [4, 84]. Поэтому указание на наличие/отсутствие бородатых, то есть старых казаков в ситуациях проведения важных общественных собраний выступает в шолоховских текстах как знак соблюдения или нарушения казачьих обычаев, подчеркивая неприятие старыми казаками новой власти, ср.: “На майдане собрался однажды сход ... За столом, по бокам от атамана и писаря, расселись почетные – в серебряной седине бород – старики, помоложе – с разномастными бородами и безбородые – казаки жались в кураготы” (ТД. Ч. 2. Гл. VII); “В нардоме – районный съезд Советов. ... На скамьях – делегаты: сзади глядеть – краснооколые казачьи фуражки, папахи, малахаи, дубленополушубчатые шеренги. Единый кап. Изредка кашель. Редко – бороды, больше – голощекого народа с разномастными усами и без них” (Один язык).

Вид бороды говорит и о пережитом. Когда автор хочет сообщить, что на долю персонажа выпали тяжелые испытания, ему недостаточно сказать о волосах, взор обязательно останавливается на бороде. Так, описывая в “Тихом Доне” Пантелея Прокофьевича, получившего известие о смерти Григория, Шолохов указывает, что тот “опустился как-то сразу. ... Седел он круговинами, ослепительно белая седина быстро испятнала голову, нитями разметалась в бороде” (ТД. Ч. 3. Гл. XVI). В “Поднятой целине” Иван Аржанов вспоминает о последнем дне жизни своего отца, избитого другими казаками, и первое изменение, замеченное им, касается бороды: “Глянул я на него при солнышке, и закипела во мне горячая слеза! Два месяца назад отец был черный как ворон, а теперь борода отросла наполовину седая и усы тоже, а волосы на песиках стали вовсе белые, как снег...” (ПЦ. Кн. вторая. 5).

В бороду казак прячет свои эмоции, чаще всего положительные, ср.: “Долго грозит ему дед костылем, а у самого в бороде хоронится улыбка” (Нахаленок); “Казаки сдержанно посмеивались в бороды” (ТД. Ч. 1. Гл. I); “Мы с ним поговорим по-настоящему! – решительно сказал Давыдов. Но Шалый только усмехнулся в бороду: – Не с ним надо говорить...” (ПЦ. Кн. вторая. 10); “... дед Щукарь только снисходительно посмеивался в свалывшуюся, давным-давно не чесанную бородавку” (ПЦ. Кн. вторая. 22); “Щукарь недоверчиво покосился на соседа, но, не заметив запрятанной в его смоляной бороде улыбки, спросил: – Это с какой же стати я туда полезу?” (ПЦ. Кн. вторая. 22); “Прокофьевич, посмеиваясь в бороду, подмигнул и сощурился, как бы говоря всем своим плутоватым видом: не так-то я прост и безобиден, как тебе может показаться ...” (Слово о Родине).

Отрицательные чувства – раздражение, злобу, гнев и т.п. – также выдает борода, ср.: “недовольство, проплывшее по лицу и застрявшее в бороде старика” (ТД. Ч. 2. Гл. XXI); “Борода у него тряслась и прыгали губы: – По злобе наговорено вам...” (Алешкино сердце); [богатый казак Иван Алексеев] “Повернулся к соседу спиной, зашагал степенно и враскачку, а за угол сарая завернул – бороду зажал промеж зубов ядреных и желтых, выругался матерно и злобу глухую на соседа до поры до времени припрятал на самое доньшко своего нутра” (Алешкино сердце); “Пантелей Прокофьевич, что-то булькая себе в бороду, зачихлял к дому” (ТД. Ч. 1. Гл. X); “... дед Щукарь взбеленился окончательно. Он подпрыгнул, стоя за партой, как молодой петух перед боем, даже бородавка его затряслась от ярости” (ПЦ. Кн. вторая. 22).

Бессознательно тянутся к бороде руки персонажа, пытающегося справиться с волнением, досадой, озлоблением, ср.: “Домой вернулась взволнованная, долго не могла достать из-за пазухи письмо. – Скорей, ты!.. – прикрикнул Пантелей Прокофьевич, глядя дрожащую бороду” (ТД. Ч. 3. Гл. XVI); “Захолонуло у Алешки в середке: брови у хозяина настобурченные, идет и бороду дергает. ... побаивается хозяина Алешка, больно уж лют он на расправу” (Алешкино сердце); “Сергей Платонович, перетирая в ладонях раздвоенную бороду, наедине с собой плакал и скрипел зубами, раздавленный позором” (ТД. Ч. 2. Гл. III); “И опять дед Трифон не выдерживает: комкая в кулаке седую бороду, он гулко, на весь вагончик, говорит: – Сорок четыре тысячи! Уму, братцы, непостижимо!” (Свет и мрак).

Борода оказывается под рукой казака, испытывающего в чем-то сомнения или старающегося решить какую-то трудную проблему: “[отец Митьки] ...долго и задумчиво турсучил свою рыжую бороду” (Бахчевник); “Яков Алексеевич задумчиво мял бороду, хмурился” (Червоточина); “Яков Алексеевич задумчиво помял бороду и, обращаясь к Максиму, ... крикнул: – Быков повремени давать Прохору” (Червоточина); “Покупать ходил с дедом Сашкой, сторговали коня подходящего ... был у него один потаенный изъян. Дед Сашка, *теребя бороду*, сказал: – Дешевше не найдешь, а начальство недоглядит. Хисту у них не хватит” (ТД. Ч. 2. Гл. XXI); “– Дайте мне слово по порядку, – просил пробившийся к столу Аркашка. Он уже было *забрал в горсть русую бородку*, собираясь говорить” (ПЦ. Кн. первая, 4).

Трогает бороду, сжимает ее в кулаке или теребит казак и тогда, когда испытывает радость: “Пантелей Прокофьевич, услышав на базу о том, что сноха разрешилась двойней, вначале руками развел, потом обрадованно, *потурсучив бороду*, заплакал...” (ТД. Ч. 4. Гл. V); “Шалый развеселился, и недовольство с него как рукой сняло. Он, *захватив бороду в кулак*, неизвестно кому подмигивая и лукаво ухмыляясь, иронически говорил...” (ПЦ. Кн. вторая. 10); “А престарелый Тихон Осетров, *захватив сивую бороду в кулак*, пронзительно кричал: – Ложись, Устин, ниц и не подымай головы! Начисто стоптал тебя Давыдов!” (ПЦ. Кн. вторая. 13); “...отец *бороду разложил на две щетинистые половины и снова улыбнулся*, морща синеватые губы: – Должен семью с радостью поздравить ...” (Бахчевник). Прикосновение казака к бороде выступает как его неосознанное ощущение себя как части казачьего мира.

Таким образом, деталь “борода” в шолоховском тексте является этнокультурно значимой. Естественная борода – примета внешности казака, ее вид – признак его возраста, свидетельство испытаний, выпавших на его долю, индикатор его эмоционального состояния. Сам автор в использовании этой предметной детали выступает как носитель культуры казачьего субэтноса.

Перспективу дальнейшего исследования проблемы составляет обнаружение исчерпывающего перечня сквозных этнокультурных деталей, к которым обращается М.А. Шолохов, для выявления иерархии их аксиологической значимости в сознании писателя.

Примечания

- ¹ При цитировании шолоховских текстов ссылка на них дается с указанием в круглых скобках названий произведений. Для объемных произведений, цитируемых неоднократно, использованы сокращенные обозначения: “Тихий Дон” – ТД, “Поднятая целина” – ПЦ, “Они сражались за Родину” – ОСР.

Список использованных источников

1. Богачёва Е. В. Особенности пространственно-временного построения рассказа “Судьба человека” / Е. В. Богачева: Филология в образовательном пространстве Дона: региональный компонент. Изучение творчества М. А. Шолохова в высшей и общеобразовательной школе. Шолоховские чтения – 2002. Сборник 2. – Ростов-на-Дону, 2003. – С. 150–158.
2. Глухов В. М. Образный мир М.А. Шолохова: Уч.-мет. пособие к спецкурсам и семинарам / В. М. Глухов. – Волгоград, 2010. – 293 с.
3. Громова В. В. Прототипы и протонимы “Тихого Дона” / В. В. Громова: Шолоховские чтения – 97. Проблемы изучения творчества М. А. Шолохова: сборник статей. – Ростов-на-Дону: Рост. гос. ун-т, 1997. – С. 135–145.
4. Давыдова О. А. Господа старики в изображении М. А. Шолохова / О. А. Давыдова // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2009. – № 3. – С. 84–96.
5. Дроботун А. В. Специфика казачьего восприятия запаха в произведениях М. А. Шолохова / А. В. Дроботун // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. – Филологические науки. – 2009. – № 4. – С. 41–56.
6. Калашникова Н. М. Изучение шолоховских образов казачек в педагогическом колледже Н. М. Калашникова: Шолоховские чтения – 97. Проблемы изучения творчества М. А. Шолохова: сборник статей. – Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет, 1997. – С. 73–87.
7. Муравинская Л. И. Символические образы и детали как способ выражения философского содержания в романах М. Шолохова и Л. Леонова Л. И. Муравинская // Великий художник современности: Материалы науч. конф. к 75-летию... (Шолохов. чтения [окт. 1980 г.] / Редкол.: А. И. Меченко и др. – М.: Изд-во МГУ, 1983. – 214 с. С. 192–193.
8. Муравьева Н. М. Проза М. А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика: автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук: спец. 10.01.01. “Русская литература” / Н. М. Муравьева. – Тамбов, 2007. – 49 с.
9. Мухин М. Ю. Лексическая статистика и идиостиль автора: корпусное идеографическое исследование (на материале произведений М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова): спец. 10.02.19. “Теория языка”: автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук / М. Ю. Мухин. – Екатеринбург, 2011. – 43 с.

10. Литвиненко Н. А. О Рассказе М.А. Шолохова “Наука ненависти”: звонит колокол ... / Н. А. Литвиненко // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. Филологические науки. – 2009. – № 4. С. 24–31.
11. Польш Д. В. Универсальные образы и мотивы в реалистической эпике М. А. Шолохова: автореф. дис. на соискание уч. степени д-ра филол. наук: спец. 10.01.01. “Русская литература” / Д. В. Польш. – М., 2008. – 52 с.
12. Семенова С. “Донские рассказы”. От поэтики к миропониманию / С. Семенова. – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/sholokh/critics/nos/nos-207-.htm>.
13. Семенова С. Г. Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию / С. Г. Семенова. – М.: ИМЛИ РАН, 2005. – 350 с.
14. Трофимова П. В. Своеобразие художественной детали в романе М.А. Шолохова “Тихий Дон”: дис. на соискание ученой степени канд. филол. наук: спец. 10.01.01. “Русская литература” / П. В. Трофимова. – М., 2009. – 184 с. – Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/svoeobrazie-khudozhestvennoi-detali-v-romane-ma-sholokhova-tikhii-don>.
15. Четверикова Т. Д. Специфика шолоховского эпитета :на материале романа “Тихий Дон”: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01 / Т. Д. Четверикова. – М., 2008. – 182 с. – Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/spetsifika-sholokhovskogo-epiteta-na-materiale-romana-tikhii-don>.
16. Шолохов М. А. Собрание сочинений в восьми томах / М. А. Шолохов. – М.: “Художественная литература”, 1986.
17. Якименко Л. Заметки о мастерстве писателя / Л. Якименко // Творчество М. А. Шолохова. Сборник статей / Сост. П. И. Павловский. – М.: Изд-во “Просвещение”, 1964. <http://www.detskiysad.ru/raznlit/sholohov07.html>.

Summary. In the article it goes about role of ethnic and cultural details in works by M. Sholokhov. Appealing to such kinds of details is a result of author’s perception of himself as a member of Cossack society.

Key words: M. Sholokhov, prevailing detail, ethnic and cultural detail.

УДК 81'1:811.112.2

Т. М. Саленкова

ОБЪЕКТИВАЦИЯ КОНЦЕПТУ FORTSCHRITT У НИМЕЦЬКІЙ МОВНІЙ СВІДОМОСТІ

Стаття присвячена визначенню особливостей об'єктивзації концепту FORTSCHRITT у німецькій мовній свідомості на підставі виокремлення мовних засобів вираження концепту та виділення основних семантичних ознак зазначеного концепту у мас-медійному дискурсі німецької мови.

Ключові слова: концепт, лексико-семантична група, мас-медійний дискурс, семантична група.

Питання співвідношення мови, свідомості, світогляду та культури займає одне з центральних місць у проблематиці досліджень лінгвістів, враховуючи той факт, що сучасний етап вивчення мовної свідомості та образу світу пов'язаний з антропоцентричним напрямком у мовознавстві. Процеси світосприйняття та категоризації дійсності знаходять своє відображення у концептах, які беруть участь у формуванні фонду знань людини, а також у передачі інформації, оскільки є втіленням ментальних ресурсів нашої свідомості, а також оперативною змістовною одиницею пам'яті, ментального лексикону, концептуальної системи і всієї картини світу, що відображена у людській психіці [3, 90].

Картини світу є національно специфічними, оскільки носії різних мов сприймають світ по-різному, що дозволяє виокремити особливості концептуалізації знань різних етносів та специфічні риси їх менталітету. Відповідно лінгвісти (Г. Вежбицька, О. С. Кубрякова, В. І. Карасик, Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, М. В. Піменова) акцентують свою увагу на дослідженні національної своєрідності мовних картин світу та окремих її фрагментів. Важливими складовими картин світу різних етносів є універсальні, базові концепти, що найтісніше пов'язані з культурою народу і найяскравіше відбивають специфіку його колективної свідомості, до яких і належить досліджуваний нами концепт FORTSCHRITT.